

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Библиотека классики»

Pelham Grenville Wodehouse

JEEVES AND THE GRISY BIRD
MUCH OBLIGED, JEEVES
AUNTS AREN'T GENTLEMEN

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate
и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd.
и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Дживс и скользкий тип; Тысяча благодарностей, Дживс; Тетки — не джентльмены : [сборник : перевод с английского] / Пелам Гренвилл Вудхаус. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-122711-1

Самый известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, — настоящий эталон неподражаемого английского юмора.

Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопаи-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передрыги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1965,
1971, 1974

© Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2017

© Перевод. Л. Мотылев, 2017

© Перевод. Л. Мотылева, наследники, 2017

© Перевод. Н. Васильева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-122711-1

ДЖИВС И СКОЛЬЗКИЙ ТИП

Уже сгустились ночные тени, когда я повернул ключ в замке, и мы вдвоем с чемоданом прибыли в расположение вустеровской штаб-квартиры. Дживс в гостиной развешивал по стенам ветки остролиста, так как близилось неумолимое Рождество, а он любил, чтобы все было честь по чести. Я радостно поздравил его с моим прибытием.

— Ну, Дживс, вот я и вернулся!

— Добрый вечер, сэр. Приятно ли погостили?

— Недурно, я бы сказал. Но рад снова очутиться дома. Как это тот тип говорил про дом?

— Если вы имеете в виду американского поэта Джона Говарда Пейна, сэр, то он проводит сравнение родного дома с дворцами и роскошествами в пользу первого, разумеется, и дальше пишет: «Дом, милый дом, быть дома лучше всего».

— Он был недалек от истины. Толковый малый этот Джон Говард Пейн.

— Читатели, насколько мне известно, им всегда оставались довольны, сэр.

Я возвратился из Чаффнел-Риджиса, где проводил уик-энд в клинике сэра Родерика Глоссоба, выдающегося лекаря психов, или психоневролога, как он сам предпочитает себя называть, — не в качестве пациента, спешу уточнить, а просто в гостях. Кузен моей тети Далии, Перси, был некоторое время назад поставлен туда на ремонт,

и она попросила меня заехать посмотреть, как он. Он забрал себе в голову, уж не знаю почему, что его постоянно преследуют маленькие человечки с черными бородами, и, естественно, ему хотелось как можно скорее от них избавиться.

— Знаете, Дживс, — проговорил я немного позднее, уже потягивая виски с содовой, которым он меня снабдил, — все-таки странная штука жизнь, никогда не угадаешь, чего от нее ждать.

— Вы имеете в виду какое-то конкретное осложнение, сэр?

— Вот, например, как у нас с сэром Р. Глоссопом. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда мы с ним будем жить душа в душу, точно два матроса, отпущенные на берег? А ведь когда-то, вы, может быть, не забыли, он внушал мне невыразимый ужас и, слыша его имя, я подсакивал до потолка, как вспугнутый кузнечик. Помните?

— Да, сэр. Я отлично помню, что вы относились к сэру Родерику с опаской.

— А он ко мне.

— Между вами определенно существовала некоторая натянутость. Ваши души не сливались в согласии.

— Зато теперь у нас такие добрые отношения, лучше не бывает. Преграды, нас разделявшие, рухнули. Я улыбаюсь ему, он — мне. Он зовет меня Берти, я его — Родди. Одним словом, акции голубя мира на подъеме и даже грозят достигнуть номинала. Мы ведь с ним, точно Седрах, Мисах и Авденаго, если я не путаю имена, вместе прошли сквозь пещь огненную, а это как-никак связывает.

Тут я подразумевал тот случай, когда мы оба — по соображениям, в которые здесь не стоит вдаваться, скажу лишь, что они были вполне основательными, — зачернили себе лица, он — женой пробкой, я — ваксой, и вдвоем провели страшную ночь в блужданиях по Чаффнел-Риджису, не имея, как это говорится, где преклонить гла-

ву. С кем вместе пережил такое, тот уже никогда не будет тебе чужим.

— Но я расскажу вам одну вещь про Родди Глоссопа, Дживс, — продолжал я после того, как щедро отхлебнул живительной влаги. — У него на сердце тяжесть. Физически-то он, на мой взгляд, в полном порядке, как огурчик, на зависть любому овощу, но он в унынии... подавлен... расстроен... Говоришь с ним, и видно, что его мысли витают где-то далеко, да и мысли эти не из приятных. Слова из него не вытянешь. Я чувствовал себя, как тот заклинатель из Библии, который попытался заклясть глухого аспида, и ни тпру ни ну. Там еще был один тип, некто Блэр Эглстоун, возможно, он и послужил причиной его угнетенного состояния, потому что этот Эглстоун... Слышали про такого? Он книжки пишет.

— Да, сэр. Мистер Эглстоун — один из наших сердитых молодых романистов. Критики называют его произведения откровенными, бесстрашными и нелицеприятными.

— Ну да? Не знаю, какие уж там у него литературные достоинства, но субъект он, на мой взгляд, довольно вредный. Сердит-то он на что?

— На жизнь, сэр.

— Не одобряет?

— Похоже, что так, сэр, если судить по его литературной продукции.

— Ну а я не одобряю его, так что все квиты. Но думаю, все-таки не его присутствие нагоняло на Глоссопа такую тоску. Корни ее гораздо глубже. Тут затронуты дела сердечные.

Должен пояснить, что во время пребывания в Чаффнел-Риджисе папаша Глоссоп, вдовец со взрослой дочерью, обручился с леди Чаффнел, она же тетя Миртл моего школьного приятеля Мармадьюка Чаффнела (Чаффи), и когда по приезде к ним более чем через год я застал его все еще не женатым, меня это довольно сильно удивило.

Я-то думал, что он давно уже выправил себе брачную лицензию и задействовал епископа с присными. Здоровый, полнокровный психоневролог под влиянием божественной страсти должен был повернуть это дело за какой-нибудь месяц-другой.

— Как вы думаете, Дживс, они рассорились, что ли?

— Сэр?

— Сэр Родерик и леди Чаффнел.

— О нет, сэр. Уверяю вас, что ни малейшего охлаждения чувств не было ни с той, ни с другой стороны.

— Тогда где же заминка?

— Дело в том, сэр, что ее сиятельство отказывается участвовать в бракосочетании, пока не выйдет замуж дочь сэра Родерика, она ясно высказалась в том смысле, что ни за что на свете не согласится жить под одной крышей с мисс Глоссоп. Естественно, сэр Родерик от этого впал в мрак и уныние.

Для меня словно молния сверкнула — я сразу все понял. Как всегда, Дживс нащупал самую суть.

Составляя эти мемуары, я каждый раз сталкиваюсь с одним затруднением: какие меры следует принять, выводя на сцену действующие лица, если они уже фигурировали в предыдущих сериях? Вспомнят ли ее или его мои читатели, спрашиваю я себя, или же они уже совершенно его или ее позабыли? В последнем случае потребуются, конечно, кое-какие подстрочные примечания, чтобы ввести их в курс дела. Например, Гонория Глоссоп, которая появляется, если не ошибаюсь, в главе второй Саги о Вустере. Кое-кто ее, может быть, и вспомнит, но наверняка найдутся и такие, кто заявит, что в жизни о ней не слыхали, так что лучше, пожалуй, все-таки перестраховаться и, рискуя вызвать недовольство памятливых, кое-что уточнить.

Итак, вот мои записи про Гонорию Глоссоп, сделанные в тот период, когда я по причинам, от меня не зависящим, был с нею помолвлен.

«Гонория Глоссоп, — пишу я, — это одна из тех неутомимых атлетических девиц, которые имеют телосложение борца в среднем весе и смеются смехом, похожим на грохот «Шотландского экспресса», проносащегося под мостом. У меня она вызывала острое желание улизнуть в погреб и затаиться там до тех пор, пока не дадут отбой».

Так что легко понять отказ Миртл, леди Чаффнел, вступить в брачный союз с сэром Родериком, покуда вышеозначенная особа остается членом семьи. Ее твердая позиция в этом случае, я так считаю, делает честь ее здравому уму.

Но тут мне пришел в голову один вопрос, которым я часто задаюсь, когда Дживс сообщает мне чужие семейные тайны.

— А вы-то откуда все это знаете, Дживс? Он что, обращался к вам за советом? — спрашиваю. Я ведь знал, какая у него широкая практика консультанта по всем вопросам. «Посоветуйтесь с Дживсом» — самый распространенный лозунг в среде моих знакомых, возможно, что и сэр Родерик Глоссоп, попав в переplet, решил обратиться со своими трудностями к нему. Дживс, он как Шерлок Холмс, к нему приходят за помощью даже члены самого высшего общества. И очень может быть, что, уходя, дарят в знак признательности драгоценные табакерки, почему мне знать.

Но оказалось, что догадка моя неверна.

— Нет, сэр. Сэр Родерик не удостоил меня своим доверием.

— Как же вы узнали про его семейные дела? Это что, экстра-что-то-там-такое?

— Экстрасенсорное восприятие? Нет, сэр. Я вчера пролистал нашу клубную книгу на букву «Г».

Я понял. У них на Керзон-стрит есть клуб дворянских и камердинеров, называется «Ганимед». Дживс состоит его членом, и там ведется книга записей, куда каждый

обязан заносить информацию о своем нанимателе. Помню, я был совершенно ошарашен, когда узнал от Дживса, что в ней одиннадцать страниц посвящены лично мне.

— Сведения, касающиеся сэра Родерика Глоссоба и его горестного положения, вписаны мистером Добсоном.

— Это еще кто?

— Дворецкий сэра Родерика, сэр.

— Ах да, конечно. — Я вспомнил почтенную персону, в чью ладонь я только сегодня вложил, уезжая, пару фунтов. — Неужели сэр Родерик с ним поделился?

— Нет, сэр. Но у мистера Добсона весьма острый слух, который позволил ему разобратить, о чем говорили между собой сэр Родерик и ее сиятельство.

— То есть он подслушивал у замочной скважины?

— Можно и так сказать, сэр.

Я призадумался. Значит, вот как обстоит дело. Мое сердце сжалось от сочувствия к бедняге, чьи косточки мы тут перемывали. Не надо было обладать цепким умом Бертрама Вустера, чтобы уразуметь, в какое безвыходное положение попал старина Родди. Я знал, как он любит и почитает эту тетку моего друга Чаффи. Даже в ту ночь в Чаффнел-Риджисе, когда его лицо было замазано жженой пробкой, я мог наблюдать, как оно светлело при упоминании ее имени. С другой стороны, на всем свете вряд ли отыщется такой непроходимый осел, который женился бы на его дочери Гонории и тем самым расчистил ему прямую дорогу к счастью. Мне стало его ужасно жалко.

Я так и сказал Дживсу.

— Дживс, — говорю, — у меня сердце кровью обливается от жалости к сэру Р. Глоссобу.

— Да, сэр.

— А ваше сердце тоже обливается кровью от жалости?

— Весьма обильно, сэр.

— Но ничего невозможно поделать. Мы бессильны.

— К сожалению, да, сэр.

— Жизнь бывает так печальна, Дживс.

— Чрезвычайно печальна, сэр.

— Неудивительно, что Блэр Эглстоун ее невзлюбил.

— Ваша правда, сэр.

— Пожалуй, принесите-ка мне еще стаканчик виски с содовой, чтобы я немного приободрился. А после этого я подамся к «Трутням» перекусить.

На лице у Дживса появилось сокрушенное выражение, то есть он еле заметно вздернул одну бровь.

— Очень сожалею, сэр, но я ненароком упустил сообщить вам, что миссис Траверс собирается сегодня приехать сюда и поужинать с вами.

— Разве она не в Бринкли?

— Нет, сэр, она временно выехала из Бринкли-Корта и расположилась в своем лондонском доме с целью произвестить покупки к Рождеству.

— И хочет, чтобы я накормил ее ужином?

— Именно таково было краткое содержание ее речи, которую она произнесла сегодня утром по телефону, сэр.

На душе у меня заметно распогодилось. Миссис Траверс — это моя положительная, добрая тетя Даля, посудачить с нею — всегда честь и удовольствие. Конечно, мы будем видеться, когда я приеду в Бринкли на Рождество, но такой предварительный прогон тоже будет очень приятен. Если кто-то способен отвлечь мои мысли от бед Родди Глоссопа, то только она. Так что я от души обрадовался предстоящему свиданию. Я и не подозревал, какую бомбу она прячет в рукаве, намереваясь взорвать ее под сиденьем моего стула еще до наступления ночи.

Всякий раз, как тетя Даля приезжает в Лондон и я угощаю ее ужином у себя в квартире, на меня прежде всего обрушивается лавина новостей из Бринкли-Корта и окрестностей, и, пока не покончено с этим, она не да-

ет племяннику вставить ни словечка ни на какую другую тему. Так что имя сэра Родерика Глоссоба в первый раз всплыло в разговоре только после того, как Дживс подал кофе. Закурив сигарету и отхлебнув первый глоток, тетя Далия спросила у меня, как поживает сэр Родерик, и я сказал в ответ ей то же самое, что раньше говорил Дживсу:

— Физически вполне здоров. Но мрачен. В унынии. Тоскует. Огорчается.

— Просто из-за твоего отсутствия или были другие причины?

— Он со мной не делился, — осмотрительно отозвался я. Я стараюсь не называть источник информации, полученной через Дживса из их клубной книги. У них в «Ганимеде» очень строгие правила насчет нераспространения ее содержания. Не знаю, что за это бывает, если тебя поймают за руку и разоблачат, наверно, построят в каре лакеев и дворецких, выволокут провинившегося на середину, срежут пуговицы, а потом по всей форме исключат из рядов. И очень правильно, что принимают такие меры предосторожности, а то вдруг бы те одиннадцать страниц, которые про меня, стали достоянием широкой общественности? Страшно подумать. Уже одно то, что они вообще где-то существуют, внушает самые серьезные опасения. — Он не открыл мне, что его гнетет. Просто сидит человек, и видно, что подавленный и мрачный.

Престарелая родственница расхохоталась зычным смехом, от которого в те годы, когда она ездила на лисью охоту, многие всадники, я думаю, вздрагивали и вываливались из седла. Она так громогласно реагирует, если ее рассмешить, можно подумать, на улицах Лондона опять кто-то что-то взорвал, как об этом пишут в газетах.

— Ничего удивительного. Перси живет у него уже несколько недель. А тут еще ты явился. Мало, что ли, чтобы затмить солнечный свет человеку? А кстати, как Перси?

— Дядя Перси в порядке, снова стал самим собой. Радоваться, по-моему, особенно нечему, но он явно доволен.

— Черные человечки его больше не преследуют?

— Если еще показываются, то только бритые. По его словам, он уже давно не видел ни одной черной бороды.

— Ну и отлично. Перси придет в норму, если выбросит из головы мысль, что можно питаться алкоголем. Ну а Глоссопа мы скоро приведем в хорошее настроение, когда он приедет на Рождество в Бринкли.

— А он должен приехать?

— Конечно. Будем радоваться и веселиться. Устроим настоящее традиционное Рождество на старинный лад. По всем правилам.

— С омелой и остролистом?

— Увешаем все стены. И организуем детский праздник с Санта-Клаусом.

— Викарий в главной роли?

— Нет, викарий лежит в гриппу.

— Тогда его помощник?

— Помощник подвернул ногу.

— Кто же тогда будет Санта-Клаусом?

— Отыщем кого-нибудь. А кто еще был у Глоссопа?

— Только некто Эглстоун.

— Блэр Эглстоун? Писатель?

— Да, Дживс сказал мне, что он пишет книги.

— И статьи. Он подготавливает для меня серию «Современная девушка».

Тетя Даля уже несколько лет с помощью финансовых вливаний со стороны Тома Траверса, своего благоверного, издавала еженедельный женский журнал «Будуар элегантной дамы», и я даже дал туда статейку под заголовком «Что носит хорошо одетый мужчина». Теперь-то этот еженедельник уже кому-то перепродан, но тогда он еще кое-как влачил существование, каждую неделю при-